

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Карпов, А. В.,

Государственный музей истории
религии (г. С-Петербург),
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук,
e-mail: karpow1973@yandex.ru

Карпов, А. В.,

ФИННО-УГРЫ И СЛАВЯНЕ В ВОЛГО-КЛЯЗЬМИНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ: ЭПОХА ХРИСТИАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются этносоциальные процессы, происходившие на территории Волго-Клязьминского междуречья: активная метисация славянского населения, славяно-русская культурная ассимиляция микрорегиональных финно-угорских групп.

Доказывается, что в рамках «региональности», частично заменившей связанную с дохристианской религией этничность, и происходило формирование великорусской народности, этноконфессиональной основой которой стало православное христианство.

FINNO-UGRIANS AND SLAVS IN THE VOLGA-KLYAZMINSKOE INTERFLUVE: AGE CHRISTIANIZATION

SUMMARY. The article analyzes the ethno-social processes taking place in the Volga-Klyazminskoye mezhdurechja: active cross-breeding of the Slavic population, Slavic-Russian cultural assimilation of micro-regional Finno-Ugric groups.

It is proved that under the "regional" partly replacement of a pre-Christian religion, ethnicity, and nationality were formed Great, ethnic and religious basis which became Orthodox Christianity.

Ключевые слова: финно-угорские племена, финно-угорские популяции, межэтническое взаимодействие, меря, формирование великорусской народности, славяно-русская культурная ассимиляция.

Keywords: Finno-Ugric tribes, Finno-Ugric population, interethnic interaction, Meria, the formation of the Great Russian nationality, Slavic-Russian cultural assimilation.

В средневековой Руси взаимоотношения славянского и финноязычного населения являлись одной из главных составляющих исторического процесса формирования древнерусской народности и раннефеодальной социально-

политической системы. Данные антропологических и генетических исследований показывают значительную роль финно-угорского субстрата в русском генофонде (Алексеева, 1997. С. 57–75; Балановская, Балановский, 2007. С. 54–55, 142–143, 163, 288–289). Но многие реальные стороны взаимодействия славянских и финно-угорских популяций на разных хронологических срезах с учетом региональной и микрорегиональной специфики до сих пор остаются недостаточно изученными. Кроме того, преувеличенное значение придавалось «мирному» интеграционному характеру взаимоотношений разноэтничного населения. Для достижения полноценной интеграции требуется взаимное приспособление, включающее в себя принятие права всех этнических групп жить как культурно различные народы (Лебедева, 2011. С. 269; см. также: Казьмина, Пучков, 1994. С. 94–95). Многочисленные факты указывают на то, что при расселении славян на огромных пространствах Восточной Европы интеграция не являлась основной формой межэтнического взаимодействия.

Важное значение приобретает анализ религиозных аспектов этносоциальной истории. Как известно, этнические явления и свойства в течение длительного взаимодействия впитываются культом, становятся его составными элементами, «конфессионализируются». С другой стороны, отдельные компоненты культового комплекса, ритуалы, религиозные обычаи приобретают характер этнических явлений, «этнизуются» (Вера. Этнос. Нация, 2007. С. 63). Этническая идентичность очень часто почти сливается с религиозной, образуя общий круг понятий и представлений о «своем» и «чужом» (см.: Этнос и религия, 1998; Червонная, 1999; Религия и идентичность в России, 2003; Белова, 2005; Религия в самосознании народа, 2008; Стрижова, 2009. С. 415–421; Перепелкин, Стэльмах, 2010. С. 373–395). Этничность возрастает или ослабевает в соответствии с внешними обстоятельствами, а «в условиях роста межэтнической напряженности функция этнических стереотипов по защите позитивной этнической идентификации гипертрофируется» (Солдатова, 1998. С. 48, 86), что может усиливать остроту межрелигиозных противоречий. Конфессиональный аспект оппозиции «свой-чужой» является одним из стимулов самоидентификации, что особенно ярко проявляется в полиэтничных и поликонфессиональных ареалах, где принадлежность к доминирующей конфессии становится для представителя этноса главным условием того, что он – неотъемлемая часть «своего» народа (Белова, 2005. С. 73, 76).

Исследователи неоднократно обращали внимание на замедленные темпы христианизации в северных областях Руси, подчеркивая особое сопротивление введению христианства со стороны финно-угорских этнических групп (Соловьев, 1988. С. 49–52; Корсаков, 1872. С. 85–94; Ключевский, 1987. С. 298–299; Рябинин, 1989. С. 30; Карташев, 1993. С. 150; Поспеловский, 1996. С. 34). Однако, они не раскрывали причины этого явления и не объясняли, чем вызвано «торможение» хода христианизации славянского населения северных земель. В предшествующих публикациях мною уже обосновывался тезис о том, что распространение христианской религии в зонах прямого контакта финно-угров и славян было объективно затруднено усилением роли традиционных дохристианских верований как элемента этнической идентификации в условиях конкуренции за пользование природно-хозяйственными ресурсами и вытеснения аборигенного финно-

угорского населения со своих исконных районов обитания (см.: Карпов, 1999. С. 11–13; 2008а. С. 91–93; 2008б. С. 101–102). Представляется необходимым продолжить подробный анализ особенностей славяно-финских межэтнических контактов в Ростово-Суздальской земле в эпоху перехода от язычества к христианству с учетом современных подходов к проблемам миграции, ассимиляции и метисации, функционированию полиэтничных сообществ и сохранения этничности в локальных группах.

К рубежу IX–X вв. основную массу жителей Волго-Клязьминского междуречья составляли представители народности меря, принадлежавшей к поволжско-финской языковой общности. Наибольшей концентрацией мерянских поселений VII–X вв. выделяется район озер Неро и Плещеево, а также Суздальское Ополье (Леонтьев, 1996. С. 37–40, 46–49, 193–196; Макаров, 2007а. С. 7–17). Особое положение занимало Сарское городище, находящееся в излучине р. Сары, недалеко от ее впадения в оз. Неро. Расположенное с учетом естественных оборонительных рубежей, оно, очевидно, выполняло функции военного и административного центра ростово-переславской группы мери (Леонтьев, 1988. С. 17–18; 1996. С. 77, 188–189).

Расселение славян в центральной части междуречья с более западных и северо-западных территорий начинается с IX столетия и приобретает массовый характер в первой половине X в. (Лапшин, 1981. С. 45–48; 2002. С. 101–113; Леонтьев, 1996. С. 192, 271; 2012. С. 170). Археологические данные указывают на то, что славяне перемещались сюда отдельными относительно крупными общинами или большими семьями, сохранявшими в процессе передвижения целостность и избегавшими в течение определенного времени брачных связей с иноэтничными коллективами (Леонтьев, Рябинин, 1980. С. 67–71; Рябинин, 1997. С. 171–172). Косвенным подтверждением этих особенностей колонизационного процесса является диалектное членение современных русских говоров на изучаемой территории (Рябинин, 1997. С. 172; Мельниченко, 2007. С. 185–222). Поэтому не следует преувеличивать «готовность» славян-переселенцев к безоговорочному и быстрому «слиянию» с аборигенным мерянским населением. Последнее также, скорее всего, находилось на такой стадии общественного развития, когда межэтнические и даже межобщинные браки сдерживались эндогамными барьерами (см.: Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999. С. 216–218).

Представляется правомерным допустить сходство социальной структуры раннесредневековой мери с известными по историческим и этнографическим данным формами семейно-общественной жизни марийцев, для которых было характерно длительное сохранение больших семей и патронимических союзов. В XIX в. в состав большой семьи входило обычно 3–4 поколения близких родственников по мужской линии с женами и детьми. Во многих черемисских поселениях сохранялось воспоминание о времени, когда все их жители были в родстве между собою. В некоторых деревнях до 30 семей вели свое происхождение от одного предка. Для таких группировок патронимического характера было свойственно родственное самосознание и тяготение, выражавшееся в различной форме, включая хозяйственную взаимопомощь (Козлова, 1978. С. 56, 182, 189–190; Марийцы, 2005. С. 151–156). Марийская сельская община занималась в числе прочего и религиозными вопросами, организуя проведение в течение года нескольких коллективных молений и собирая средства для них (Марийцы, 2005. С. 194,

198, 221). У марийцев известен ряд культовых объединений больших групп населения (патронимия, родовая группа, землячество) с устоявшейся практикой проведения совместных религиозно-ритуальных действий. В XIX – начале XX вв. проводились «всемарийские» моления, на которые собиралось до 3000 человек из различных уездов Казанской и Вятской губерний (Козлова, 1978. С. 184, 186; Марийцы, 2005. С. 221). Во всех этнографических районах Марийского края браки заключались, как правило, с женщинами из своей округи, носившими тот же головной убор и говорившими на том же диалекте, что и в деревне жениха. Эта «земляческая» эндогамия в значительной степени способствовала сохранению местных традиционных элементов культуры и традиционных норм поведения в быту (Козлова, 1978. С. 332–333).

Славянские поселения на озерах Неро и Плещеево и в Суздальском Ополе появились, прежде всего, в наиболее обжитых мерянских районах. На других менее изученных территориях ранние славянские курганы и селища также тяготеют к местностям, где есть мерянские памятники IX–X вв. и топонимы с формантом «бол» (Леонтьев, 1996. С. 272–273), по всей видимости имевшим в мерянском языке значение «деревня, селение» (Ткаченко, 2007. С. 308–310). На берегах оз. Неро первые славянские поселки располагались либо в непосредственной близости от мерянских, зачастую гранича с ними; либо развивались собственно на их месте. Для возникавшей здесь новой системы расселения были свойственны крупные размеры селищ и большая по сравнению с мерей плотность населения. В тех же формах происходило славянское освоение северо-восточного побережья Плещеева озера, где ранее концентрировались меряне (Леонтьев, 1996. С. 273–278, 282–284).

Расселение славян теоретически можно рассматривать как перемещение населения в рамках общей государственной территории начальной Руси, учитывая вхождение мери в севернорусское раннегосударственное образование во главе с князем Рюриком (см.: Леонтьев, 1996. С. 271–272; Седов, 2000. С. 240–249; Свердлов, 2003. С. 113–120). Но в первой половине X столетия Русь еще не была политически единым государством. В его состав входили подчиненные власти киевского князя племенные княжения, сохранявшие некоторую автономию. Племенные князья, очевидно, заключали с «великим» киевским князем договор, который содержал условия подчинения и форму выплаты регулярной государственной подати (Свердлов, 2003. С. 136–180; см. также: Шинаков, 2009. С. 132–210). Можно предполагать, что социальная организация мери в центре Волго-Клязьминского междуречья имела позднепотестарную форму племенного княжения (Леонтьев, 1988. С. 18–19; Шинаков, 2009. С. 141–143), а славяне, продвигавшиеся сюда, находились в определенного рода социальных взаимосвязях в рамках своих племенных структур (кривичи, словене и др.). Но в любом случае, не существует убедительных доказательств того, что меряне сами «пригласили» славян прийти в их земли и жить рядом с ними. Вряд ли стоит в связи с этим говорить о славянской «военно-земледельческой экспансии» (Калинин, 2000. С. 55), но и описывать отношения мери и переселенцев-славян сквозь призму концепции «дружбы народов» (Ткаченко, 2007. С. 10–11, 240) также неправомерно.

Как известно, «латентная или фоновая межэтническая напряженность существует в любом даже самом гармоничном обществе, где есть признанное деление на этнические группы» (Солдатова, 1998. С. 146).

Исследования в области этнопсихологии убедительно показали, что «противопоставление своей общности другой всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым – скреплению общности» (Поршнева, 1979. С. 99). Осознание своей этнической принадлежности усиливается в условиях активных контактов с иноэтничным населением (см.: Бромлей, 1983. С. 196; Егоров, Киселев, Чистяков, 2007). А «этничность по своей сути конфронтационна» и «рост этничности связан с ростом этнической нетерпимости» (Солдатова, 1998. С. 49).

Стоит отметить, что этноним «меря», образованный как самоназвание по модели «люди», «настоящие люди», типологически находится в одном ряду с самоназваниями муромы, марийцев, мордвы и удмуртов (Попов, 1973. С. 98–108; Крюков, 1984. С. 6–12) и указывает на ясно выраженную идею единства своего этноса, противопоставляемого другим. В условиях столкновения двух этносов, разрыва устоявшихся внутриплеменных связей, эволюции общественного устройства и в славянской, и в мерянской этнической среде неизбежно должен был начаться рост этнического самосознания, характерный для подобных периодов социальной нестабильности в истории разных народов (см.: Конфликтная этничность и этнические конфликты, 1994; Этническая мобилизация и межэтническая интеграция, 1999; Матвеев, 2011; Соколовский, 2012. С. 562).

На материалах мерянских памятников, прежде всего Сарского городища, с середины X в. прослеживается аккультурация, выразившаяся в распространении некоторых форм орудий труда и других предметов, имевших общедревнерусский характер (Леонтьев, 1996. С. 187; Рябинин, 1997. С. 173). Какая-то часть мери влилась в состав жителей славянских селений в районе озер Неро и Плещеево (Леонтьев, 1996. С. 278). Археологические исследования Суздальского Ополя позволяют говорить о смешанном славяно-мерянском облике материальной культуры X в. (Макаров, 2012. С. 203; 211), что может свидетельствовать либо о совместном проживании мерян и славян в одних и тех же поселках, либо о начале процесса ассимиляции и метисации. Но, в целом, в культуре сельских поселений Ополя сравнительно слабо прослеживаются финно-угорские традиции, более заметные в северных районах Ростово-Суздальской земли, таких как бассейны р. Шексны, Белого оз. и смежные с ними территории (Макаров, 2009а. С. 1075).

Однако, представляется очевидным, что расселение славян непосредственно в тех же местностях, где компактно проживали меряне, не могло не вызвать конкуренции за пользование природно-хозяйственными ресурсами – в первую очередь землями, необходимыми для выращивания зерновых культур. Меряне еще до эпохи славянской колонизации активно занимались земледелием (Леонтьев, 1996. С. 42–43; 2012. С. 164–165; Комаров, 2005. С. 58–59; Алешинская, Кочанова, Макаров, Спиридонова, 2008. С. 38, 45–46). Не исключено, что у ростово-переславской мери земли отдельных общин имели фиксированные границы в рамках общей территории (Леонтьев, 2012. С. 165)

Трудно сказать, в какой степени славяне-переселенцы претендовали на уже использовавшиеся мерянами посевные площади или свободные от леса пространства, так как хозяйственный уклад некоторых поселений X в. характеризовался сочетанием земледелия и пушной охоты, ориентированной

на продажу мехов через систему Балтийско-Волжского торгового пути (Макаров, 2008. С. 14; 2012. С. 210; Макаров, Захаров, Шполянский, 2010. С. 132–133; Недошивина, Зозуля, 2012. С. 193). Но в центре Ростово-Суздальской земли период эксплуатации пушных ресурсов был недолгим. Колонизация региона проходила в условиях климатического оптимума, сделавшего возможным продвижение земледелия как весьма продуктивной отрасли хозяйства. В IX–X вв. территория осваивалась и развивалась как земледельческая область (Макаров, 2009а. С. 1077; 2012. С. 204). Славянское освоение района озер Неро и Плещеево, и особенно Суздальского Ополя обусловило формирование системы расселения с очень высокой плотностью и преобладанием крупных населенных пунктов или гнезд близкорасположенных поселений (Лапшин, 1985; Леонтьев, 1996. С. 278, 282–284; Макаров, 2008. С. 13; 2010. С. 293–296). На протяжении X–XII вв., как показывают данные по Суздальскому Ополю, активное сведение лесов продолжалось, обусловив формирование здесь своеобразного открытого ландшафта (Алешинская, Кочанова, Макаров, Спиридонова, 2008. С. 39–46). О стремлении к наиболее полному освоению земельных ресурсов Ополя в условиях высокой плотности заселения свидетельствует и достаточно раннее – с начала XII века – освоение водоразделов (Шполянский, 2008. С. 157–170). В любом случае, сама потребность «делить» земли (используемые или потенциально пригодные для ведения сельского хозяйства), которые меряне считали «своими», могла стать причиной славяно-мерянской межэтнической напряженности и этнической мобилизации как средства борьбы за ограниченные ресурсы в доиндустриальных обществах (Соколовский, 2012. С. 562).

Не вызывает сомнений связь этногенеза и этничности с определенной природной средой, ландшафтами и формами их хозяйственного освоения (см.: Гумилев, 1989. С. 169–207). Известно, что этническое самосознание опирается на представления «о родной земле», на сопряженность этнических (национальных) чувств и эмоционального восприятия «родной природы» (Бромлей, 1983. С. 192; Лебедева, 1993. С. 82–101). Этнологические исследования свидетельствуют о наличии традиционных представлений о праве аборигенного населения на управление и использование своей «исконной» территории (см.: Кушнер, 1951; Аклаев, 2005. С. 85; Соколовский, 2010. С. 319–344).

Косвенным подтверждением предполагаемого характера славяно-мерянских отношений служат наблюдения над топографией селищ. В районах озер Неро и Плещеево только немногие из славянских поселков выросли на основе мерянских; надпойменные террасы в древнерусское время не заселялись совсем, а некоторые весьма удобные участки остались неосвоенными, также как и в мерянскую эпоху. Приведенные факты могут указывать на существование у мери определенного «земельного устройства», с которым поначалу приходилось считаться и славянским переселенцам (Леонтьев, 1996. С. 281–284). Необходимо учесть, что осознание своих прав на леса, поля, реки и другие природные объекты могло иметь прямое выражение в религиозном мировоззрении мери. В пользу такого предположения свидетельствуют историко-этнографические данные о некоторых сторонах религиозно-мифологических воззрений родственных мере марийцев. Они верили, что на всех полях и земельных участках обитают

покровители «старуха-старик поля» (*нур кува-кугыза*), «мать», «господин», «охранник межи» и др. (Марийцы, 2005. С. 220). Своеобразной формой сакрализации права родовой марийской группы на территорию обитания был культ духов – хозяев определенных территорий: *водыж*, *вадыш* и *шырт*, охраняющих наиболее значимые для людей места их обитания: дом с очагом, усадьбу, селение, водоемы, общинные луга и поля, земные недра (Народы Поволжья и Приуралья, 2000. С. 293).

Не исключено, что рассмотренный выше «конфликт интересов» довольно быстро обусловил отход какой-то части мерян в северные районы будущей Ростово-Суздальской земли. Археологические материалы фиксируют перемещение в X – начале XI вв. на территории, прилегающие к р. Шексне и Белому оз., мерянского населения из Волго-Клязьминского междуречья и значительный «мерянский пласт» в культуре Белоозеро-Шекснинского региона (Башенькин, 2002. С. 75; Кудряшов, 2006. С. 130–131; Макаров, 2007б. С. 22; 2009б. С. 92–95). Это, в значительной степени, подтверждают и результаты топонимических исследований (см.: Альквист, 1997. С. 22–36; Матвеев, 1996. С. 3–23; 1998. С. 90–105).

К рубежу X–XI вв. наметилось своего рода противостояние между мерянским городищем на р. Саре и городом Ростовом, возникшим на берегу оз. Неро. Во второй половине X в. близ городища появляется неукрепленный посад, а в конце столетия жители сооружают новый вал и ров. Мерянское укрепленное поселение имело тенденцию превращения в небольшой город (Леонтьев, 1996. С. 77, 80, 191–192). Однако в «конкурентной борьбе» с Ростовом оно, безусловно, проиграло. Ростов сформировался во второй половине X столетия на месте мерянского поселка и возникшего рядом славянского поселка. Прибрежный участок, занятый ранее мерянским поселением, на протяжении XI в. интенсивно застраивается, здесь складывается характерная для древнерусских городов усадебная планировка. Но при этом материальная культура жителей этого участка отличается своеобразием: сохраняется и преобладает лепная керамика, встречаются различные бытовые предметы мерянского типа. По всей видимости, это свидетельствует о том, что на протяжении жизни трех-четырех поколений мерянское население сохраняло некоторую этническую самобытность и территориальную обособленность в границах древнерусского города (Леонтьев, 1997. С. 211–216; Самойлович, 2003. С. 255–256). При этом с большой долей вероятности можно полагать, что топоним «Ростов» имеет славянское происхождение (Нерознак, 1983. С. 149–151; Каретников, 2007. С. 60–69) и отражает преобладание славянского населения уже на самом раннем этапе городской истории.

Вполне допустимо рассматривать древнейший Ростов как своего рода «опорный пункт» массовой славянской колонизации Волго-Клязьминского междуречья (Плешанов, 2004. С. 15, 24). Показательно почти полное отсутствие каких-либо мерянских элементов (инвентарь, детали погребального обряда) в древнерусских курганных могильниках окрестностей Ростова и всего бассейна оз. Неро (Рябинин, 1997. С. 174, Комаров, 2002. С. 154–155). В письменных источниках конца XV–XVII вв. упоминаются существовавшие в Ростове Чудеский или Чютцкой конец и Чютцкая улица (Повесть о водворении христианства в Ростове, 1982. С. 130–131; Переписные книги Ростова Великого, 1887. С. 74; Каштанов, 1994. С. 77), что может свидетельствовать о компактном

проживании финно-угорского населения, не желавшего «растворяться» в славянской среде. Как известно, этноним чудь, начиная с раннего средневековья, использовался для наименования различных групп финноязычного населения, а в Северо-Восточной Руси мог употребляться применительно к мере (Горюнова, 1961. С. 144; Агеева, 1970, С. 195; Попов, 1973. С. 68–71). Возможно, «чудское» население в Ростове, как и в некоторых других северных городах, пользовалось определенным самоуправлением (Кирпичников, Сакса, 2002. С. 142).

Очевидно, сложность славяно-мерянских отношений была основной причиной неудачного начала христианизации Ростова. Ни славянское, ни мерянское население не было готово отказаться от «веры предков» и тем самым от своего «славянства» или «мерянства». Потеря связи со своей «исконной» религией означала выпадение из этносоциума. Предположительно, еще в период великого княжения князя Владимира Святого (но, может быть, и несколько позднее) сюда последовательно были направлены два епископа – Феодор, а затем – Иларион. Подробности их миссионерского служения в Ростове неизвестны. Они оба уехали из города, не выдержав сопротивления язычников (Карпов, 1998. С. 22–27). По сообщению жития следующего епископа Леонтия, «преже бывшии ту епископи Феодор и Ларион и збегоше, не терпяще неверствия и многодосажения людии» (Семенченко, 1989. С. 250).

Быстрое поступательное развитие Ростова, усилившееся в эпоху Ярослава Мудрого, прямо соотносится с запустением Сарского городища, которое ко времени не позднее середины XI в. утратило функции племенного центра и было покинуто жителями (Леонтьев, 1996. С. 281–282). Они могли переселиться в Ростов, в прибрежный «мерянский» участок или в Чудской конец. А часть мерянской племенной знати, очевидно, влилась в формирующийся класс древнерусской феодальной аристократии, полиэтнический характер которой убедительно реконструирован на основании различных видов источников (см.: Свердлов, 2003. С. 173–178; Михайлов, 2005; Петрухин, 2011. С. 112–118). При завоевании или покорении одного этноса другим реальным группоинтегрирующим фактором обычно становилась не этническая, а сословная идентичность (Шипилов, 2005). Как показывают современные исследования, значительную роль в формировании и изменении этничности играют элита, лидеры, транслирующие свои идеи остальной группе (Егоров, Киселев, Чистяков, 2007. С. 10–11). Гипотетически возможное включение племенной знати мери в состав древнерусского правящего слоя могло ускорить процесс разрушения мерянской этносоциальной общности. Первая половина XI в. является предельно допустимой поздней датой для всех собственно мерянских археологических памятников Волго-Клязьминского междуречья (Леонтьев, 1996. С. 282; Рябинин, 1997. С. 173). Допустимо предположение о том, что переход местных финно-угорских групп от даннических отношений с Русью к их непосредственному включению в социально-политическую систему развивающегося государства привел к резкому обострению политической обстановки и сопровождался военными столкновениями (Рябинин, 1997. С. 104, 178–179).

Возможно, юридическое оформление нового положения, сложившегося в Ростово-Суздальской земле, произошло при Ярославе Мудром, когда тот, подавив «восстание волхвов» в Суздале в 1024 г., «устави ту землю», согласно

сообщению Новгородской IV летописи (Леонтьев, Рябинин, 1980. С. 77). «Уставление» Ярославом Ростовской земли, очевидно, заключалось в строгой фиксации размеров дани с точным указанием пунктов, где она должна браться (Кучкин, 1984. С. 58–60). Но при этом «устав» Ярослава мог регулировать и территориально-земельные отношения, («узаконив окончательное отторжение мерянских земель» (Леонтьев, 1996. С. 282). Следует впрочем отметить, что сообщение об «уставлении» Ростовской земли Ярославом Мудрым имеется не только в Новгородской IV, но и в Софийской I летописи (Новгородская четвертая летопись, 2000. С. 112; Софийская первая летопись, 2000. Стб. 174), которые либо имели общий протограф, либо восходят одна к другой (см.: Лурье, 1985. С. 191–205; Шибяев, 2000; Бобров, 2001). Однако в ранних памятниках русского летописания (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская I летописи) фраза «и устави ту землю» в рассказе о пребывании Ярослава Мудрого в Суздале отсутствует. А. А. Шахматов включил эту фразу в реконструированный им Новгородский свод 1050 г., взяв её именно из Новгородской IV и Софийской I летописей (Шахматов, 2002. С. 441). Не исключено, что в них мы встречаемся с литературно-историографическим творчеством летописца XV в., развивавшего идею о «государственном строительстве» великого князя Ярослава. Проблема происхождения уникальных («неизвестно-откуда-взятых») известий в Новгородско-Софийской группе летописей по-прежнему остается нерешенной (Гиппиус, 2012. С. 42). По всей видимости, к более определенным выводам в этом вопросе можно будет прийти в ходе реконструкции ранних летописных сводов, составленных в Новгороде (см.: Милютенко, 2006. С. 156–169; 2007. С. 586–606; Гиппиус, 2012. С. 37–62).

Само «восстание» в Суздале, заключавшееся в том, что в голодный год волхвы начали убивать «старую чадь» из числа жителей города, обвиняя их в том, что они «держат гобино» (Повесть временных лет, 1996. С. 65), то есть каким-то образом задерживают нормальный рост зерновых культур и негативно влияют на урожай, следует рассматривать как проявление архаических представлений о всестороннем воздействии предков на жизнь человеческого коллектива. Летопись свидетельствует об эпизодическом проявлении древнеславянского ритуала «проводов стариков на тот свет» в условиях аграрного кризиса. В традиционной славянской культуре существует такое понятие, как *пережитой век*, связанный с комплексом представлений о доле, части, об общем объеме жизненной силы, распределенной между всеми членами человеческого общества. Действия волхвов в Суздале являлись ритуальной акцией, во время которой решались не имущественные вопросы (изъятие запасов зерна и т. д., как предполагали некоторые исследователи), а осуществлялось магическое воздействие на природу, смысл которого убедительно реконструируется на основе славянских фольклорно-этнографических материалов (см.: Велецкая, 1978. С. 65–66; Фроянов, 1983. С. 19–38; Седакова, 2004. С. 41–42; Карпов, 2008а. С. 94–99).

По моему мнению, события в Суздале и «мятежь великъ... по всей той стране» (Повесть временных лет, 1996. С. 65) в значительной степени отражают актуализацию древних языческих воззрений в среде славянского населения и могут быть признаком высокой степени этнической мобилизации на фоне сложного комплекса отношений с мерянским населением Ростово-Суздальской земли. Важно учесть, что земледелие, требующее существенных

трудовых усилий и, кроме того, столь сильно зависящее от природных факторов (вплоть до эпохи индустриализации и развития современных технологических методов), обладало значительным «архаизирующим потенциалом». Волнения в Суздальской земле были связаны именно с неурожаем, и голод прекратился только после того, как местные жители привезли зерно («жито») из Волжской Булгарии (Повесть временных лет, 1996. С. 65). Для мировоззрения аграрных обществ характерно представление о замкнутых временных циклах, связанное с ритуалами изгнания «старого» года и прихода «нового», удаления «бедствий», возрождения «сил» и т. д. (Элиаде, 1999. С. 191). А «земледельческая общинная религия», очевидно, являлась основной формой верований славянских племен до эпохи христианизации (Токарев, 1990. С. 370). Комплекс сведений о религиозной жизни марийцев и мордвы позволяет говорить о том же относительно финно-угров Поволжья (см.: Мокшин, 1968; Тойдыбекова, 1997), а, следовательно, предполагать «земледельческий» характер верований мерян.

Быть может, «мятеж», отмеченный в летописях, выразился также в столкновениях славянского и финноязычного населения. Косвенным указанием на это служат, в частности, выявленные археологическими раскопками изменения в организации городской территории Суздаля. Древнейшие оборонительные сооружения X – начала XI вв. состояли из трех рвов и земляного вала. Подобная система укреплений, а также формы найденной лепной керамики свидетельствуют о том, что ранний Суздаль являлся поселением мери, хотя уже на начальном этапе его развития здесь появились и славяне. В первой половине XI столетия первоначальные укрепления были разрушены, фактически полностью сравнены с землей. Убедительным выглядит связь этого события с подавлением суздальского «восстания волхвов» князем Ярославом, который, очевидно, инициировал создание нового вала и рва, увеличивших площадь города в 8–9 раз (см.: Седова, 1997. С. 47–51, 59). Ликвидация ранних укреплений первоначального мысового поселения в излучине р. Каменки, по всей видимости, положила конец «меряно-славянскому этапу» истории Суздаля, превратив его в древнерусский город с преобладающим славянским населением, о чем свидетельствует как характер материальной культуры, так и погребальная обрядность городских некрополей (см.: Седова, 1997; Сабурова, Седова, 1984. С. 91–130; Нестерова, 2008). Имеются также предположения о сходных явлениях, вызванных социальным напряжением или этносоциальным конфликтом, усиленным неурожаем и голодом, отразившихся в датируемом первой четвертью XI в. пожаре города Белоозеро (Голубева, 1973. С. 81–82; Рябинин, 1997. С. 102, 104).

Исчезновение самостоятельных мерянских поселений означало разрушение этносоциальной общности; в дальнейшем оставалось возможным лишь существование отдельных групп мери как составной части древнерусского населения (Леонтьев, 1996. С. 282, 285). В этом качестве меряне могли сохранять свою этническую идентичность на уровне больших семей и групп таких семей. Кроме того, отсутствие интенсивного смешения не исключало непосредственного общения. О длительных контактах разноязычного населения свидетельствует мощный пласт сохранившейся здесь мерянской топонимии (Альквист, 1997. С. 30, 35; Леонтьев, 1996. С. 278). Возможно, «внеассимиляционное» сосуществование мерянского и

славянского населения в Волго-Клязьминском междуречье отразилось в долгом одновременном использовании здесь и лепной, и круговой керамики – до первой половины XII в. (Лапшин, 2002. С. 103).

О том, что «растворение» мерянского населения в славянском не было массовым, убедительно свидетельствуют материалы курганных некрополей X–XII вв. Элементы мерянской культуры встречены в ограниченном числе погребальных комплексов, выделяющихся из общего круга древнерусских кладбищ. Отнюдь не случайно, что процесс смешения разноэтничного населения прослеживается лишь в крупных (свыше 100 насыпей) курганных могильниках, т. е. в районах наиболее плотного славянского заселения (Рябинин, 1997. С. 174–179).

Приведенные факты не представляют собой чего-либо экстраординарного с точки зрения современной этнологии. Стремление любой этнической группы к самосохранению является важнейшим признаком наличия в ней выраженного этнического самосознания. В психологическом плане ассимиляция – это проявление «мягкого» варианта интолерантности к иной культуре, когда ее представители «принуждаются» жить по меркам доминирующего этноса. А целью добровольной ассимиляции является вынужденное стремление выжить среди других, психологически защититься от возможной агрессии путем вхождения в более массовое и сильное «мы» (Лебедева, 2011. С. 274). У ассимилируемой народности возникает негативная этническая идентификация, при которой доминирует отрицательное отношение к своему этносу, включая чувство стыда и униженности, предпочтение иной этнической общности (Бакланов, Душина, Микеева, 2010. С. 403).

Ни одно из мерянских поселений в районах озер Неро и Плещеево не вошло в прежнем качестве в складывающуюся в начале XI в. новую систему расселения с новыми центрами и коммуникациями (Леонтьев, 2012. С. 170). Картографирование курганов X–XI вв. с мерянскими элементами инвентаря и обрядности показывает, что их размещение в пределах Северо-Восточной Руси часто не совпадает с границами собственно мерянских земель, и, очевидно, отражает внутреннюю миграцию аборигенного населения центральных районов Ростово-Суздальской земли на периферию освоенных территорий (Леонтьев, 1996. С. 290; Комаров, 2002. С. 154–155).

Возможно, этот вывод подтверждают и данные антропологических исследований. Значительная роль финно-угорского субстрата у населения XI–XIII вв. прослеживается для окраинных районов, таких как Угличское течение Волги, Костромское Поволжье, Окско-Клязьминское междуречье (Алексеева, 1973. С. 22–23, 34–36, 49–51, 199). Данные же по центру региона еще недостаточно изучены и введены в научный оборот, но, очевидно, роль субстрата была здесь значительно более скромной и не определяющей (Рябинин, 1997. С. 242–245). Исследование костных останков из массового захоронения XIII в. на территории Ярославля показало незначительную примесь финно-угорского компонента (Энговатова, Осипов, Гончарова, Бужилова, 2010. С. 111). Средневековое население Суздаля, если судить о нем по материалам некрополя XII–XVI(?) вв. в Суздальском кремле, было в антропологическом отношении близко к жителям средней полосы Русской равнины и северо-западных Новгородских земель (Нестерова, 2008. С. 191–195). Антропологические материалы, полученные в ходе раскопок городских

кладбищ Ростова XIV–XVII вв., не дают возможности для определения этнической принадлежности погребенных по причине плохой сохранности костей черепа, позволяя лишь реконструировать демографическую структуру (Бужилова, Медникова, 1998а. С. 13–15; 1998б. С. 16–18; выражаю искреннюю признательность за консультацию по данному вопросу и ряду общих проблем антропологического изучения средневекового населения северной Руси доктору биологических наук, члену-корреспонденту РАН А. П. Бужиловой).

Представляется, что дальнейшие краниологические и палеогенетические исследования антропологических материалов средневекового времени из Волго-Клязьминского междуречья подтвердят предположение о незначительном участии мерянских субстратных групп в формировании древнерусской народности на этих землях.

По всей видимости, во второй половине XI столетия религиозно-этнические противоречия еще были очень сильны. Об этом свидетельствует и летописный рассказ о «восстании волхвов» на Верхней Волге и Шексне, описанный в летописях под 1071 г., который уже на протяжении двух столетий изучается с точки зрения «финно-угорского» контекста (см.: Фроянов, 1986. С. 30–49; Петрухин, 2000. С. 315–323; Карпов, 2008а. С. 99–120), но по-прежнему заслуживает дополнительного исследования с использованием всего комплекса источников, в том числе и результатов современных археологических раскопок.

Полагаю, что нестабильная этническая ситуация в Ростове может считаться одной из основных причин трудностей миссионерской работы и гибели от рук язычников третьего местного епископа – святителя Леонтия, пребывание которого на ростовской кафедре принято датировать 1050-ми – 1070-ми гг. (см. о нем, его житии и почитании: Мельник, 2003а. С. 86–90; 2003б. С. 143–152; Леонтьев, Иоаннисян, 2008. С. 43–51; Лосева, 2009. С. 236–239). Житие ярко описывает выступление ростовцев против св. Леонтия: «устремишися невернии на святопомазаную его главу, ови с оружиемъ, а друзии с дреколием, яко изгнати из града и убити и» (Семенченко, 1989. С. 250). В самом тексте Жития (во всех многочисленных редакциях) нет прямого указания на насильственную смерть св. Леонтия, так как далее в тексте повествуется о «духовной победе» святителя над разъяренными язычниками: «и абие облечеса в священныя ризы и повеле прозвутером и дьяконом облещися в ризы. И яко придоша, и видеша лице его, яко ангелу. И абие падоша, яко мертви, а друзии ослепоша. Но святыи молитвою целы и здравы встави я и научи веровати Христови, и кръстив я во святую Троицу» (Семенченко, 1989. С. 250). Владимирский епископ Симон в написанном им в 1225–1226 гг. послании Поликарпу сообщает, что епископ Леонтий окончил жизнь как мученик за веру: «Ростовьскыи Леонтии, священномученикъ, егоже Богъ прослави нетлениемъ, и се бысть первопрестольникъ, егоже невернии много мучивше, убиша» (Понырко, 1992. С. 179, 185). В некоторых редакциях (и соответственно) списках Жития св. Леонтия указывается, что он знал не только русский, но и мерянский («мерьскыи, «мирьскыи») язык (Филипповский, 1987. С. 160; Лосева, 2009. С. 238, 409), что можно интерпретировать как указание на значимость христианской проповеди для неславянского населения Ростова и Ростовской земли (Ткаченко, 2007. С. 224–225, 234–235).

Трудно сказать, кто из ростовцев больше «держался» за старую веру. Если считать, что подобное религиозно-этническое сопротивление было больше свойственно мерянам, то уместно вспомнить известные этнографические данные, относящиеся к мари́йцам. В период христианизации, отвечая на преследования за совершение языческих жертвоприношений, мари́йцы говорили: «Нашу веру кончать – нас кончать» (Народы Поволжья и Приуралья, 2000. С. 10). Согласно убеждению мари́йцев, зафиксированному во второй половине XIX в., «перемена веры есть преступление, которое не остается без наказания: деды и отцы их клятвою завещали наблюдать все обряды и почитать богов, иначе черемисы должны погибнуть» (Козлова, 1978. С. 222; см. также: Молотова, 2010. С. 81–91).

Следующий ростовский иерарх – епископ Исая, назначенный, скорее всего, уже после окончания возглавленных волхвами народных волнений на Волге и Шексне, предпринимал энергичные действия по борьбе с язычеством (см.: Карпов, 2008б. С. 101–115). Рубеж XI–XII вв. можно считать условной границей наиболее сложного этапа славяно-финских взаимоотношений и связанных с ними явлений религиозной жизни в центральных районах Волго-Клязьминского междуречья. Очевидно, дальнейшее превращение этих территорий в местность с устойчивой христианской культурой шло параллельно с очередной перестройкой этнической карты Северо-Восточной Руси (возможно, связанной с новой волной славянской колонизации – см.: Горюнова, 1961. С. 205–240) и усилившимся процессом унификации этнокультурных отличий на фоне становления Владимиро-Суздальского княжества в его политическом и социально-экономическом аспектах.

В XII–XIII вв. группы мерянского населения из центральных районов Ростово-Суздальской земли переселяются в Костромское Поволжье (см.: Рябинин, 1986. С. 97–118; Леонтьев, 1999. С. 61–66). Не исключено, что хорошо известная мерянская по происхождению топонимика Костромского края (см.: Ткаченко, 1985; Матвеев, 2006. С. 185–223) непосредственно отражает перемещение мерян, уходивших за Волгу. Учитывая существенное сходство культуры дославянского населения края второй половины – начала I тыс. н. э. с культурой белоозеро-шекснинской веси (Леонтьев, 1996. С. 246–267, 270), можно предположить, что местное финноязычное население имело другое самоназвание, хотя и могло входить в гипотетический мерянский племенной союз. Возможно, сам этноним «меря», отразившийся в ряде местных топонимов, появился здесь значительно позднее, чем в зоне обитания мерян, указанной в начальном летописании (Рябинин, 1997. С. 195).

Часть мерянского населения продвигается в мари́йское Поветлужье. Об этом свидетельствуют материалы археологических памятников XII–XIII вв. бассейна р. Ветлуги, а также некоторые фольклорные и историко-лингвистические данные (Никитина, 2002. С. 211–213). В связи с этим приобретает дополнительную аргументацию предположение о том, что исчезновение мери со страниц летописей может объясняться перенесением на ассимилированных мерян названия черемисы, в условиях созвучия мери и мари (Матвеев, 1998. С. 100). Показательно также наличие в археологических памятниках XII – первой трети XIII вв. на территории Волжской Булгарии некоторых видов украшений и других изделий, имеющих наибольшие аналогии в мерянской культуре Верхнего Поволжья. Очевидно, переселенческая мерянская волна по левобережью Волги достигла Закамья,

а по правому берегу р. Камы распространилась далее на восток (Казаков, 1992. С. 48–49).

В связи с этим представляется интересной предложенная рядом ученых интерпретация сообщения «Истории о Казанском царстве», в котором автор, рассказывая о заселении бассейна р. Казанки, упомянул «ростовскую чернь», перебравшуюся в Булгарию из-за отказа принять христианство: «Наполни такими людьми землю ту еже ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения рускаго в болгарских жилищах» (Казанская история, 1954. С. 48). Сходное известие встречается также в «Козмографии» XVII в., где упоминаются «ушлецы языка словенского, земли Ростовския, ушедше бо от св. крещения во идолопоклонение» (Корсаков, 1872. С. 31). Прочитав оба источника, а также отметив наличие в Ярославской губернии местного предания о переселении в Поволжье ростовских язычников, отказавшихся креститься, Д. А. Корсаков предположил, что речь идет о группе мерянского населения («меря, которая скоро ославянизировалась»), не желавшего менять свои религиозные верования (Корсаков, 1872. С. 30–31, 94). Впоследствии и другие историки трактовали подобным образом сообщение «Истории о Казанском царстве» (Ключевский, 1987. С. 299, 309; Казаков, 1992. С. 50). Впрочем, о его достоверности судить достаточно сложно, так как запись отстоит на несколько веков от времен крещения Руси. «История о Казанском царстве» была написана в 1564–1565 гг., а её самый ранний список датируется 1610–1620-ми гг. (Дубровина, 1989. С. 3, 11, 46). К тому же, автор, очевидно, спутал луговых мариюцев с удмуртами, так как и те, и другие наезжали в Казань с вятской стороны; причем луговые мариюцы называли себя «марию», а удмуртов «одо марию», т. е. в переводе для русского человека – «отяцкие черемисы» (Козлова, 1978. С. 114–115). Сведения «Истории о Казанском царстве» нуждаются в дополнительном источниковедческом анализе.

Весьма показательна недавно опубликованная карта, которая фиксирует в границах Северо-Восточной Руси 16 этнопонимов, образованных непосредственно от этнонима «меря». Мерский стан в верховьях р. Нерль Клязьминская недалеко от Переслава Залесского и р. Мерешка недалеко от Ростова. Мерская пустынь между верховьем р. Мологи и Волгой. Мерецкий стан у впадения р. Медведицы в Волгу. Мерский стан и р. Мерская у впадения р. Костромы в Волгу и р. Мерская в верховьях р. Костромы. Мерский стан на левом берегу Волги – примерно посередине между впадением в нее рек Костромы и Унжи. Город Галич Мерский и Мерский стан в верхнем течении р. Унжа. Сельцо Мерка и болото Мерское напротив впадения р. Нерли в р. Клязьму. Деревня Меря выше по течению Клязьмы, а также Меря Старая и Меря Молодая в самом верховье Клязьмы, рядом с р. Москва. Река Мерская – левый приток р. Москва (Матвеев, 2001. С. 34). Мне представляется, что карта демонстрирует постепенное перемещение мерянского населения из Волго-Клязьминского междуречья за его водные рубежи: все приводимые топонимы расположены либо за левым берегом Волги, либо за правым берегом р. Клязьмы. Исключение составляют Мерский стан вблизи Переслава и р. Мерешка, которая, впрочем, может и не являться этнопонимом.

Мерские станы близ Переслава и под Костромой, а также заволжские волости с неславянскими названиями Иледам и Ликурги обладают рядом

общих черт. Во-первых, они свободны от собственно мерянских археологических памятников дославянского периода и от памятников начальной поры славянской колонизации, находясь в то же время поблизости от плотно заселенных русских районов. Во-вторых, это местности с не самыми благоприятными природными условиями, болотистыми участками и бедными почвами, малопригодными для пашенного земледелия. Мерский стан близ Переслава и волость Ликурги на р. Вексе Галичской соседствовали с заселенными прежде мерей плодородными землями по берегам крупных озер. Вопрос о происхождении «мерских станов» требует специальных изысканий, но имеющиеся данные дают основания полагать, что они восходят к поселениям мери, вытесненной со своих исконных территорий и вынужденной осваивать новые для жизни места (Леонтьев, 1996. С. 290–291).

Сходная ситуация имела места и в других регионах Восточной Европы, например, на Западной Двине. Славянские племена, появившиеся в Верхнем Подвинье в VIII в., были земледельческими, а земельный потенциал местных ландшафтов (для ранних форм культивации) был невелик и ограничивал возможности мирного сосуществования с неславянским населением. Поэтому происходило вытеснение значительной части последнего на начальном этапе колонизации (Еремеев, 2002. С. 17). Статистика и этнография свидетельствуют о том, что длительное сохранение социальной группой своей этнокультурной специфики непосредственно связано с сохранением ведущей деятельности этноса (Павленко, Таглин, 2005. С. 364). Передвижение групп мерянского населения на территории, обладающие минимальным потенциалом для земледельческого использования, должно было стать негативным фактором в популяционной динамике. Приспособление к другим формам хозяйственного уклада всегда требует от переселенцев значительных адаптационных усилий, предполагает при этом существенные потери и стимулирует людей к дальнейшей миграционной активности (Степанов, Воропаев, 1990. С. 186; см. также: Лебедева, 1993. С. 82–100).

Переселение мерян в районы проживания близкого ей в культурно-языковом отношении финно-угорского населения (Костромское Поволжье, Пошехонье и Белозерье, Поветлужье и др.) можно рассматривать как закономерный результат тенденции к этнокультурной изоляции от славянского мира. Хотя основная масса мерян, вытесняемых славянами, вряд ли перемещалась на слишком большие расстояния, а скорее, уходила на окраинные (по отношению к историческому ядру Ростово-Суздальской земли) местности. Подобное явление означало окончательное размывание сложившихся ранее этнических границ. Но из этого не стоит делать вывод о невозможности сохранения мерянами своей этничности и религии в рамках относительно небольших локальных групп. Такого рода сообщества при сохранении этноизолирующих барьеров обладают достаточной устойчивостью и гомогенностью на протяжении столетий (см., напр.: Соколовский, 1990; Данилко, 2007; Галеткина, 2012). В связи с ростом численности славянского населения, процессами «внутренней колонизации» и демографическими последствиями монголо-татарского нашествия финноязычные обитатели этих «анклавов» были ассимилированы и почти полностью растворились в русской культурно-языковой среде. Достаточно долго сохранялись «островки» финноязычного населения в Костромском крае

(см.: Рябинин, 1997. С. 196; Щепанская, 2004. С. 333–370; Ткаченко, 1985). Интересен в этом отношении и вопрос об этнокультурной характеристике т. н. «сицкарей», возможно, являющихся потомками местного дославянского населения на р. Сить (см.: Корсаков, 1872. С. 19; Гречухин, 1990. С. 74–131).

Видимо, схожие этносоциальные процессы происходили и на основной исторической территории Новгородской земли. В ряде несколько удаленных от центра или периферийных местностей при значительной европеоидности ранних популяций (XI–XIII вв.) фиксируется резкий рост влияния финно-угорского субстрата, начиная с рубежа XIII–XIV вв. (Санкина, 2000. С. 59–79, 97–89; 2002. С. 129–139), что может указывать либо на активную метисацию славянского населения, либо на славяно-русскую культурную ассимиляцию микрорегиональных финно-угорских групп (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 230–231).

Новой формой «конструирования» идентичности в итоге сложных этносоциальных процессов, когда личная идентификация вступает в конфликт с коллективной (см.: Соколовский, 2009. С. 22), могла становиться групповая солидарность территориального типа. По всей видимости, такого рода региональная идентичность, которую отражают используемые летописцами названия «новгородцы», «белозерцы», «ростовцы», «суздальцы», «муромцы» и т. д., была весьма актуальна для массового сознания XI–XII вв. (см.: Макаров, 2009б. С. 102). В рамках этой «региональности», частично заменившей связанную с дохристианской религией этничность, и происходило формирование великорусской народности, этноконфессиональной основой которой стало православное христианство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева, Р. А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы / отв. ред. В. . Никонов. – М., 1970.
2. Аклаев, А. Р., Этнополитическая конфликтология : Анализ и менеджмент : учеб. пособие. – М., 2005.
3. Алексеева, Т. И., Этногенез восточных славян : по данным антропологии. М., 1973.
4. Алексеева, Т. И., Антропологический облик русского народа // Русские / отв. ред. В. А. Александров [и др.]. – М., 1997. – (Народы и культуры).
5. Алешинская, А. С., Кочанова, М. Д., Макаров, Н. А., Спиридонова, Е. А. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в средневековье // Российская археология. – М. – 2008. – № 1.
6. Альквист, А. А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // Вопросы языкознания. – М. – 1997. – № 6.
7. Арутюнян, Ю. В., Дробижева, Л. М., Сусоколов, А. А. Этносоциология : учеб. пособие для вузов. – М., 1999.
8. Бакланов, И. С., Душина, Т. В., Микеева, О. А. Человек этнический : проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории : научный альманах. – М., 2010. – Т. IV.
9. Балановская, Е. В., Балановский, О. П. Русский генофонд на Русской равнине. – М., 2007.
10. Башенькин, А. Н. Юго-Западное Белозерье в IX–XI вв. // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. – Любытино. – 2002. – Вып. 1.

11. Белова, О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. – М., 2005.
12. Бобров, А. Г. Новгородские летописи XV в. – СПб., 2001.
13. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. – М., 1983.
14. Бужилова, А. П., Медникова, М. Б. Палеодемографический анализ по материалам средневековых погребений в Ростовском кремле (предварительные результаты) // Сообщения Ростовского музея. – Ростов. – 1998а. – Вып. IX.
15. Бужилова, А. П., Федосова, В. Н. Реконструкция демографической структуры средневекового прихода церкви Бориса и Глеба в Ростове Великом (по антропологическим материалам) // Сообщения Ростовского музея. – Ростов. – 1998б. – Вып. IX.
16. Велецкая, Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М., 1978.
17. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / ред. кол.: М. П. Мчедлов [и др.]. – М., 2007.
18. Галеткина, Н. Г. Этническая идентичность локальных переселенческих групп : «вершининские поляки» и «пихтинские голендры» : автореф. дис. ... канд. историч. наук. – СПб., 2012.
19. Гиппиус, А. А. До и после Начального свода : ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках : археологическая панорама. – М. ; Вологда, 2012.
20. Голубева, Л. А. Весь и славяне на Белом озере. – М., 1973.
21. Горюнова, Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1961. – № 94.
22. Гречухин, В. А. По реке Сить. – М., 1990. – (Дороги к прекрасному).
23. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989.
24. Данилко, Е. С. Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья : автореф. дис. ... докт. историч. наук. – М., 2007.
25. Дубровина, Л. А. История о Казанском царстве (Казанский летописец). Списки и классификация текстов. – Киев, 1989.
26. Егоров, С. Б., Киселёв, С. Б., Чистяков, А. Ю. Этническая идентичность на пограничье культур : по материалам обследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. – СПб., 2007.
27. Еремеев, И. И. Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I – начале II тыс. н. э. : автореф. дис. ... канд. историч. наук. – СПб., 2002.
28. Казаков, Е. П. Этапы взаимодействия Волжских болгар с финнами Поволжья // Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола, 1992. – Вып. 21.
29. Казанская история / подг. текста, вступ. статья и прим. Г. Н. Моисеевой. – М.-Л., 1954.
30. Казьмина, О. Е., Пучков, П. И. Основы этнодемографии : учеб. пособие. – М., 1994.
31. Калинин, И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – М., 2000.
32. Каретников, А. Л. Ростов – название славянского поселения X в. // История и культура Ростовской земли. – Ростов, 2007.
33. Карпов, А. В. Известия о первых ростовских епископах в Житии св. Леонтия Ростовского // Феодальная Россия. Новые исследования. – 1998. – Вып. II.

34. Карпов, А. В. Этнические факторы христианизации Северо-Восточной Руси на рубеже X–XI вв. // Герценовские чтения 1999. Актуальные проблемы социальных наук : сборник научных статей. – СПб., 1999.
35. Карпов, А. В. Язычество, христианство, двоеверие : религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. – СПб., 2008а.
36. Карпов, А. В. Ростово-Суздальская епархия в эпоху епископов Исаяи и Ефрема (последняя четверть XI – начало XII вв.) : историко-религиоведческий очерк // Труды Государственного музея истории религии. – СПб., 2008б. – Вып. 8.
37. Карташев, А. В. Очерки по истории Русской Церкви. – М., 1993. – Т. 1.
38. Каштанов, С. М. Иван Грозный и Ростов // История и культура Ростовской земли. – Ростов, 1994.
39. Кирпичников, А. Н., Сакса, А. И. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. – СПб., 2002.
40. Ключевский, В. О. Сочинения в 9-ти т. – Т. I. Курс русской истории. – Ч. I. – М., 1987.
41. Козлова, К. И. Очерки этнической истории марийского народа. – М., 1978.
42. Комаров, К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы : сборник участников Великой Отечественной войны. – Тула, 2002.
43. Комаров, К. И. Археологическая карта России: Ярославская область. – М., 2005.
44. Конфликтная этничность и этнические конфликты / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М., 1994.
45. Корсаков, Д. А. Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. – Казань, 1872.
46. Крюков, М. В. «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. – М., 1984.
47. Кудряшов, А. В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. – Череповец, 2006.
48. Кучкин, В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984.
49. Кушнер, П. И. Этнические территории и этнические границы (Труды Института этнографии АН СССР. – Т. XV). – М., 1951.
50. Лапшин, В. А. Ранняя дата Владимирских курганов // Краткие сообщения Института археологии. – М., 1981. – Вып. 166.
51. Лапшин, В. А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим данным) : автореф. дис. ... канд. историч. наук. – Л., 1985.
52. Лапшин, В. А. Колонизация Северо-Восточной Руси в IX–XI веках в свете новых археологических материалов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. – СПб., 2002.
53. Лебедева, Н. М. Социальная психология этнических миграций. – М., 1993.
54. Лебедева, Н. М. Этническая и кросс-культурная психология. – М., 2011.
55. Леонтьев, А. Е. Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. – М., 1988.
56. Леонтьев, А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. – М., 1996.
57. Леонтьев, А. Е. Ростов в X–XI вв. // Славянский средневековый город : Труды VI международного конгресса славянской археологии. – Т. 2. – М., 1997.

58. Леонтьев, А. Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: Коллективная монография. – Ижевск, 1999.
59. Леонтьев, А. Е. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках : археологическая панорама. – М. ; Вологда, 2012.
60. Леонтьев, А. Е., Иоаннисян, О. М. Погребения XI в., церковь Иоанна Предтечи в Ростове и история саркофага св. Леонтия Ростовского // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л. А. Беляева. – М., 2008.
61. Леонтьев, А. Е., Рябинин, Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери // Советская археология. – М., 1980. – № 2.
62. Лосева, О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII–первой трети XV веков. – М., 2009.
63. Лурье, Я. С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1985. – Т. XL.
64. Макаров, Н. А. Начальный период средневековой колонизации Суздальского Ополя по материалам новейших исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. – М., 2007а. – Вып. 1.
65. Макаров, Н. А. Ростово-Суздальская колонизация на Севере: новые археологические данные // Краткие сообщения Института археологии. – М., 2007б. – Вып. 221.
66. Макаров, Н. А. Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // Сельская Русь в IX–XVI вв. – М., 2008.
67. Макаров, Н. А. Археологическое изучение Северо-Восточной Руси: колонизация и культурные традиции // Вестник Российской академии наук. – М., 2009а. – Т. 79. – Вып. 12.
68. Макаров, Н. А. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология севернорусской деревни X–XIII веков : средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : в 3 т. – М., 2009б. – Т. 3.
69. Макаров, Н. А. Ранняя история Ростово-Суздальской земли по археологическим данным // Исторические записки. – М., 2010. – Вып. 13 (131).
70. Макаров, Н. А. Суздальское Ополе // Русь в IX–X веках : археологическая панорама. – М. ; Вологда, 2012.
71. Макаров, Н. А., Захаров, С. Д., Бужилова, А. П. Средневековое расселение на Белом озере. – М., 2001.
72. Макаров, Н. А., Захаров, С. Д., Шполянский, С. В. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздаlem // Диалог культур и народов средневековой Европы : К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. – СПб., 2010.
73. Марийцы : историко-этнографические очерки : коллективная монография. – Йошкар-Ола, 2005.
74. Матвеев, А. В. Мобилизация русской идентичности в конце XIX – начале XX веков (на материалах Вологодской губернии) : автореф. дис. ... канд. историч. наук. – М., 2011.
75. Матвеев, А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. – М., 1996. – № 1.
76. Матвеев, А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // Вопросы языкознания. – М., 1998. – № 5.

77. Матвеев, А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопросы языкознания. – М., 2001. – № 5.
78. Мельник, А. Г. Святой Леонтий Ростовский: равноапостольный или мученик // Сообщения Ростовского музея. – Ростов, 2003а. – Вып. XIV.
79. Мельник, А. Г. Становление культа св. Леонтия Ростовского в домонгольскую эпоху // Сообщения Ростовского музея. – Ростов, 2003б. – Вып. XIII.
80. Мельниченко, Г. Г. Региональная лексикология и лексикография: Избранные работы. – Ярославль, 2007.
81. Милютенко, Н. И. Летописание Ярослава Мудрого (древнейший свод) // ROSSICA ANTIQUA : Исследования и материалы. – СПб., 2006.
82. Милютенко, Н. И. Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб., 2007. – Т. LVIII.
83. Михайлов, К. А. Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах) : автореф. дис. ... канд. историч. наук. – СПб., 2005.
84. Мокшин, Н. Ф. Религиозные верования мордвы. – Саранск, 1968.
85. Молотова, Т. Л. Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // Этнографическое обозрение. – М., 2010. – № 6.
86. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М., 2000.
87. Недошивина, Н. Г., Зозуля, С. С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. – М. ; Вологда, 2012.
88. Нерознак, В. П. Названия древнерусских городов. – М., 1983.
89. Нестерова, Н. В. Городские некрополи средневекового Суздаля по археологическим данным // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. – М., 2008. – Вып. 2.
90. Никитина, Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола, 2002.
91. Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. IV. – Ч. 1. – М., 2000.
92. Павленко, В. Н., Таглин, С. А. Общая и прикладная этнопсихология : учеб. пособие. – М., 2005.
93. Перепелкин, Л. С., Стэльмах, В. Г. Человек верующий: религия и идентичность // Вопросы социальной теории : научный альманах. – М., 2010. – Т. IV.
94. Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII века / изд. А. А. Титова. – СПб., 1887.
95. Петрухин, В. Я. Древняя Русь : Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. – М., 2000. – Т. 1.
96. Петрухин, В. Я. «Русь и вси языци» : аспекты исторических взаимосвязей : Историко-археологические очерки. – М., 2011.
97. Плешанов, Е. В. Город Ростов в российской истории периода феодализма (IX в. – 1861 г.) : автореф. дис. ... канд. историч. наук. – Ярославль, 2004.
98. Повесть временных лет / подг. текста, перевод, статьи и комм. Д. С. Лихачева ; дополнения М. Б. Свердловва. – СПб., 1996.
99. Повесть о водворении христианства в Ростове // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). – М., 1982.

100. Понырко, Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII века : исследования, тексты, переводы. – СПб., 1992.
101. Попов, А. И. Названия народов СССР. – М., 1973.
102. Поршнева, Б. Ф. Социальная психология и история. – М., 1979.
103. Поспеловский, Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. – М., 1996.
104. Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М. П. Мчедлов. – М., 2008.
105. Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М. Т. Степанянц. – М., 2003.
106. Рябинин, Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л., 1986.
107. Рябинин, Е. А. От язычества к двоеверию (по археологическим материалам Северной Руси) // Православие в Древней Руси. – Л., 1989.
108. Рябинин, Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси : к истории славяно-финских этнокультурных связей : историко-археологические очерки. – СПб., 1997.
109. Сабурова, М. А., Седова, М. В. Некрополь г. Суздаля // Культура и искусство средневекового города. – М., 1984.
110. Самойлович, Н. Г. Мерянский «Ростов» // Археология : история и перспективы: Первая межрегиональная конференция. – Ярославль, 2003.
111. Санкина, С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. – СПб., 2000.
112. Санкина, С. Л. Средневековое население Новгородской земли по данным антропологии // Европа–Азия : проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. – СПб., 2002.
113. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь : князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. – СПб., 2003.
114. Седакова, О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М., 2004.
115. Седов, В. В. Конфедерация северно-русских племен в середине IX века // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 2000.
116. Седова, М. В. Суздаль в X–XV веках. – М., 1997.
117. Семенченко, Г. В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1989. – Т. XLII.
118. Соколовский, С. В. Меннониты Алтая. Устойчивость этноконфессиональной группы в условиях перманентной миграции // Этносоциальные проблемы сельских миграций. – М., 1990.
119. Соколовский, С. В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах : автореф. дис. ... докт. историч. наук. – М., 2009.
120. Соколовский, С. В. Аборигенность и права на территорию : антропологические и биогеографические параллели // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – Казань, 2010. – № 3.
121. Соколовский, С. В. Мобилизация этническая // Большая Российская энциклопедия. – М., 2012. – Т. 20.
122. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998.
123. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. – Кн. II. – Т. 3–4. История России с древнейших времен. – М., 1988.
124. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. – М., 2000. – Т. 6. – Вып. 1.

125. Степанов, В. В., Воропаев, А. И. Миграция как фактор стабильности экологической среды : анализ древнейших этапов заселения Московского региона // Этносоциальные проблемы сельских миграций. – М., 1990.
126. Стрижова, Ю. В. Религиозное как компонент этнического сознания // Диалог культур : евразийский опыт и региональная специфика. – Оренбург, 2009.
127. Ткаченко, О. Б. Мерянский язык. – Киев, 1985.
128. Ткаченко, О. Б. Исследования по мерянскому языку. – Кострома, 2007.
129. Тойдыбекова, Л. Марийская языческая вера и этническое самосознание // University of Joensuu. Publications of Karelian Institute. – № 116. – Joensuu, 1997.
130. Токарев, С. А. Ранние формы религии. – М., 1990.
131. Филипповский, Г. Ю. Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1.
132. Фроянов, И. Я. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. – Л., 1983.
133. Фроянов, И. Я. О языческих «переживаниях» в Верхнем Поволжье второй половины XI в. // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л., 1986.
134. Червонная, С. М. Все наши боги с нами и за нас (Этническая идентичность и этническая мобилизация в современном искусстве народов России). – М., 1999.
135. Шахматов, А. А. История русского летописания. – СПб., 2002. – Т. 1. – Кн. 1.
136. Шибяев, М. А. Софийская 1 летопись Младшей редакции : автореф. дис. ... канд. историч. наук. – СПб., 2000.
137. Шинаков, Е. А. Образование Древнерусского государства : сравнительно-исторический аспект. – М., 2009.
138. Шипилов, А. В. Оппозиция «мы – они» в социокультурном развитии : автореф. дис. ... докт. культурологии. – Воронеж, 2005.
139. Шполянский, С. В. Заселение водоразделов в Суздальском Ополе (по материалам исследований последних лет) // Сельская Русь в IX–XVI вв. – М., 2008.
140. Щепанская, Т. Б. Чудца : параметры уникальности // Русский Север : Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. – Вып. 6. – СПб., 2004.
141. Элиаде, М. Трактат по истории религий. – СПб., 1999. – Т. 2.
142. Энговатова, А. В., Осипов, Д. О., Гончарова, Н. Н., Бужилова, А. П. Массовое средневековое захоронение в Ярославле (предварительные результаты) // Краткие сообщения института археологии. – М., 2010. – Вып. 224.
143. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция / сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. – М., 1999.
144. Этнос и религия / отв. ред.-сост. Б. Р. Логашова. – М., 1998.